

Вильма Кутавичюте: «Не надо бояться уходить»

Светлана ПОЛЯКОВА
Фотографии из личного архива
Вильмы КУТАВИЧЮТЕ

НЕЗДЕШНИЙ ОБЛИК
ВИЛЬМЫ КУТАВИЧЮТЕ
СРАЗУ ПЕРЕКЛЮЧАЕТ
ВНИМАНИЕ НА ЕЁ
ПЕРСОНАЖЕЙ.
РЕЖИССЁРЫ
ВЫБИРАЮТ АКТРИСУ,
ЕСЛИ НАДО СЫГРАТЬ
МИКСТ СТРАННОСТИ
И ПРОВОЦИРУЮЩЕЙ
СЕКСАПИЛЬНОСТИ.
НЕ СРАЗУ ЗАМЕТНЫЙ
ПРИБАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ ДОПОЛНЯЕТ
ОБРАЗ ЗАГАДОЧНОЙ
«ПРИШЕЛИЦЫ».
А КОСМИЧЕСКИЙ ТЕМБР
ГОЛОСА ПРИВЛЕКАЕТ
К НЕЙ РЕЖИССЁРОВ,
ЭКСПЕРИМЕНТИРУЮЩИХ
НА ТЕРРИТОРИИ
МУЗЫКАЛЬНОГО
АВАНГАРДА.

Но траектория сценической карьеры Кутавичюте в России парадоксально не соответствует тому, что, казалось, было предназначено судьбой: в её семье говорили только по-литовски, а дедушка Вильмы был одним из издателей антисоветского журнала. Литовка, родившаяся за три года до распада СССР, сохранила о советском периоде Литвы исключительно негативные воспоминания.

«Помню, не было еды. Потом появилась баррикада из бетонных блоков на мосту через Нерис перед парламентом. Родители говорили: русские едут на танках! Показались танки – и мы спрятались под каким-

то мостом... После этого лет десять России в моей жизни не было совсем. Но когда я была уже подростком, папа однажды сказал: «Ты вообще ничего не знаешь! Ни про кинематограф, ни про что! Тебе фамилия Тарковский ни о чём не говорит». Меня это задело, и я пересмотрела кучу недублированных фильмов на видеокассетах – классику российского кинематографа. Я ничего не понимала, ведь по-русски знала всего несколько слов. Но было интересно, и в памяти остались какие-то образы».

После нескольких лет занятий в драмкружке Вильма поступила в Литовскую академию театра. Но вскоре разочаровалась.

«Мне показалось, что там нет конкретной школы, а актёрство, по-моему, дело совсем не абстрактное».

Со знанием английского и немецкого ей открывались перспективы бесплатного обучения в Европе, в Лондоне даже платили бы стипендию, поэтому решение поехать учиться в Россию изумило близких.

«Дедушка сказал, мол, поедешь в Россию – больше мне не внучка. А вот папа, который в армии служил в Питере, говорил про русских: «Они все чокнутые, но я их всё равно люблю». Может, я заразилась этой любовью? Рассуждала так: в Лондоне будет просто учёба, без тесных связей между людьми».

Русские помогали мне бескорыстно, причём не только друзья. В Литве, например, невозможно попросить незнакомых людей даже разменять в автобусе пять евро – надо идти в магазин, покупать жевательную резинку... И всё же до конца ответить себе на вопрос, почему я тогда выбрала Россию, до сих пор не могу. Только помню, как сидела и думала: хочу в Москву! Мне было 18 лет, мечтала уехать подальше от всех».

Никто в ГИТИСе не догадался, что Вильма почти не понимает по-русски. Обмануть

Постер фильма «Восьмёрка»

экзаменационную комиссию ей удалось, но незнание языка всё-таки подвело: в международном отделе ГИТИСа с ней обсуждали продление визы для продолжения экзаменов, а она решила, что уже поступила.

«Я вернулась в Литву победительницей! Дедушка со мной не разговаривал. А когда к началу учебного года приехала в Москву, на меня посмотрели с удивлением: «Зачем вы приехали? Вы же не явились на последний тур!» Я ежедневно ходила за Хейфецом, просила о показе. Хейфец шарахался от меня или смотрел страшным взглядом, как он умеет. Вернуться в Литву и признаться, что у меня ничего не вышло? Лучше погибнуть здесь! Ниже я никогда не падала. Но однажды педагог ГИТИСа Наталья Зверева неожиданно предложила мне поучаствовать в новой работе. Делали упражнение на умение вести диалог репликами «да» – «нет». Никто не захотел быть в паре со мной, преподавателю пришлось попросить работать со мной Сашу Петрова. Делала это упражнение не на жизнь, а на смерть (хорошо, что словарный запас соответствовал). Меня взяли, но однокурсники ещё месяца два меня игнорировали. Режиссёры почти не приглашали в свои по-

становки. Помню, Антон Маликов всю актёрскую группу попросил полежать у него в этюде трупами на полу. А про меня решил, что я даже труп сыграть не осилю. Но я совершенно не отчаивалась. Была уверена, что однажды всем покажу!»

Сокурсники-иностранцы уже неплохо говорили по-русски, и Вильма вскоре догнала их, не прибегая к помощи учителей.

«Достаточно было того, что я сутками общалась с этими «чокнутыми» русскими. Говорить научилась довольно быстро, а диктанты пыталась списывать, но не по-

Съёмки фильма «Вакантная жизнь шеф-повара»

лучалось. Приходилось подолгу разбирать, что это за буква – б или ъ, а тут и диктант заканчивался. «Вильма, – говорил мой замечательный педагог, – лучше сидите дома и переписывайте от руки Толстого!»

Жила студентка ГИТИСа не в институтской общаге для иностранцев, которая была ей не по карману, а в общежитии посольства Литвы. В этом закрытом месте она была таким массовиком-затейником: приходила весёлая, рассказывала истории, показывала этюды. Её даже подкармливали.

«Я жила в доме Балтрушайтиса, когда Юозас Будрайтис был атташе по культуре. Заходила к нему, он говорил: «Давайте я вас пофотографирую возле пальмы». На телефонные звонки отвечал: «Я очень занят!» – и мог фотографировать меня часами».

В студенческие годы состоялся вокальный дебют будущей актрисы на Ночи кино в кинотеатре «Художественный» в сопровождении джазовых музыкантов. (Тут уместно вспомнить, что дед и отец Кутавичусы – известные в Литве композиторы. Брониславас Кутавичюс даже имел советские награды и учил играть на скрипке Юозаса Мильтиниса, основателя театра в Паневежисе.) В следующий раз её вокальные данные весьма пригодились в спектакле Театра Моссовета «Дон Жуан. Версия», где она играла Донну Лауру и пела своим «стереофоничным» сопрано песню Нины Симон «Black is the color of my true love's hair» в собственной аранжировке. Потом была экспериментальная постановка «В чаще» в Центре имени Мейерхольтца, где Вильма исполнила арию, написанную специально для неё композитором Александром Чернышковым.

«Спектакль снят на плёнку. Когда его показывают за границей, многие принимают меня за профессиональную певицу. Но однажды я сказала папе, что спела где-то на публике, и он лишь рассмеялся».

На четвёртом курсе она сыграла Гурмыжскую в курсовом спектакле «Лес», впечатлив самого Леонида Хейфеца, а ещё снялась у Алексея Учителя в фильме «Восьмёрка» и дебютировала на сцене Театра Вахтангова в роли Татьяны Лариной в знаменитой постановке Римаса Туминаса.

«В Вахтанговском у меня как-то не сложилось. Знаете, литовцы друг с другом плохо уживаются. Если однажды в Москве совсем не останется театров без литовской режиссуры, у меня не будет шансов устроиться на работу. (Смеётся). Мне вообще сложно в театре: там

какие-то свои кружки, интриги, а я сама по себе. С другой стороны, отсутствие гарантированной зарплаты и места в штате заставляет искать новые возможности, развиваться, сниматься в кино».

В поисках возможностей Вильма впоследствии работала на сценах нескольких московских театров – в спектакле Ивана Вырыпаева «Сахар» в «Практике», в двух постановках Театра Моссовета, в лабораторном проекте ЦИМа, а в Театре Ермоловой актриса сама поставила спектакль «Безымянная звезда» и сыграла в нём главную роль.

«Всё начиналось как самостоятельная работа актёров. На роль Моны не нашлось достаточно «странной» актрисы в театре, и Сергеем Кемпо, одному из зачинщиков, посоветовали меня. В процессе репетиций оказалось, я что-то могу придумывать на сцене, и в один прекрасный день мне доверили роль постановщика. Раз три мы сдавали спектакль Олегу Меньшикову, он в мою работу не вмешивался, но очень помогал – например, сам поставил свет, советуясь со мной. Труднее всего мне было полюбить эту пьесу: я не понимала, как можно говорить таким языком.

То есть надо было ставить сказку или утопию. Сейчас, мне кажется, спектакль развивается, на нём всегда аншлаги. Но из-за моих постоянных съёмок вместо меня играет Даша Мельникова».

Актриса Кутавичюте снимается в кино уже пять лет, но главную роль получила лишь в фильме Петра Тодоровского-младшего «Лавстори», где работала со своим давним партнёром из ГИТИСа Александром Петровым.

«Режиссёр сказал: «Чёрт возьми, ты реально подходишь на эту роль! Но ты попробуешь первой – неужели с каждой актрисой так будет?» Перепробовал всех и взял меня. Наверное, там я впервые снималась с таким удовольствием. Окончательно поняла, что мне надо играть комедийных персонажей (а до тех пор приходилось играть лишь сексуальных). Моя Маша – глубоко чувствующая, саркастичная, сильная – очень неоднозначный человек. В сценарий вошли мои реплики, поначалу вызывавшие у Тодоровского возмущение, но в итоге он оставил много наших с Петровым импровизаций. Редко бывает, что роль оказывается настолько твоей».

Востребованность в российском кино не помешала Вильме продолжить театральное образование – в конце 2016 года она поступила на режиссёрское отделение Литовской академии музыки и театра. Сразу на второй курс её взял Эймунтас Някрошюс.

«Его не смутило, что я живу в Москве, мол, можно сделать учебную работу за восемь часов. Приезжаю недели на две. Занятия с Някрошюсом интересны и необычны. Он говорит: «Ну, покажи что-нибудь». – «Давайте я возьму «Доброго чело-

века из Сезуана?» – «Что за бред, господи! Опять этот Брехт! Возьмите любую книжку с полки, откройте на любой странице и ставьте! Библию, например». – «Ну, тогда я буду искать вечно!» – «А это не так плохо». И предлагает сам: «Сделайте монолог Нины Заречной «Люди, львы, орлы, куропатки...». У него какая-то «антироссийская» школа: «Идёт сцена, и зритель её понимает, а ты ему: «Нет! Ни черта ты не понял!» – и поворачиваешь в другую сторону. Зритель: «Ах, вот оно что!» А ты ему опять полный разворот: «Ничего подобного!» Вот тогда зритель подумает, что ты не режиссёр, а дилетант – и это очень хорошо!» То есть пока я не принесу Някрошюсу совершенно безбашенную идею, он не одобрит».

Будущий режиссёр Кутавичюте надеется применить свои силы на родине – ей кажется, что на маленьких, но многочисленных литовских сценах больше свободы. А Кутавичюте-киноактриса снимается уже в пятнадцатом фильме и собирается продолжать работу в российском кинематографе. Амбиции же театральной актрисы она связывает не столько с конкретным театром, сколько с конкретными режиссёрами – и первым среди них называет Юрия Бутусова.

«Как актриса я всегда стремлюсь работать с режиссёрами, которым интересно раскрыть во мне больше, чем я сама от себя ожидаю. Надо не бояться уходить. Уходить из театра, с проектов – если чувствуешь свою неуверенность, ловишь себя на попытке понравиться, угодить, оправдать чьи-то ожидания. Максимум, чего в такой атмосфере можно добиться, так это никого не взбесить и остаться незамеченным, – то есть ничего».

Съёмки фильма «Добрый вечер»

Vilma Kutavičiūtė:
**“Do not be afraid
 to walk away”**

Svetlana POLYAKOVA
Photos courtesy of Vilma Kutavičiūtė

VILMA KUTAVIČIŪTĖ'S UNEARTHLY APPEARANCE INSTANTLY DRAWS ONE'S ATTENTION TO HER CHARACTERS. DIRECTORS CHOOSE THIS ACTRESS IF THEY NEED A MIX OF ODDNESS AND PROVOCATIVE SEX APPEAL. HER NOT READILY APPARENT BALTIC ACCENT SERVES TO COMPLETE THE IMAGE OF A MYSTERIOUS "OFF-WORLDER." AND THE COSMIC TIMBRE OF HER VOICE ATTRACTS DIRECTORS WHO EXPERIMENT IN THE MUSICAL AVANT-GARDE AREA.

Yet paradoxically the trajectory of Kutavičiūtė's stage career in Russia doesn't correspond to what seemed to have been written for her in the cards: they spoke only Lithuanian in her family, and Vilma's grandfather was one of the editors of an anti-Soviet magazine. A Lithuanian born three years before the breakup of the Soviet Union, she retained nothing but negative memories of Lithuania's Soviet period. "I remember we had no food. Then there was a concrete block barricade on the bridge across the Neris River in front of the Parliament. My parents were saying: the Russians are coming in tanks! And we saw the tanks approach and we hid under some bridge... After that Russia was completely absent from my life for about ten years. But when I was already a teenager my dad said once, "You don't know anything! About cinema or about anything else! Even the last name Tarkovsky doesn't mean anything to you." That stung me, and I watched a

Filming "Break Loose"

bunch of undubbed films on videotapes – the classics of Russian cinema. I didn't understand anything, because I only knew a few words in Russian. But it was interesting, and some of the images stayed with me."

After several years of studying in a drama club, Vilma enrolled into the Lithuanian Academy of Music and Theatre. But she soon became disillusioned.

"It seemed to me that they didn't have a specific school of acting, and to me acting isn't an abstract thing."

Her knowledge of English and German gave her the prospects of free education in Europe, and in London she would have even gotten a stipend, which is why her decision to go to Russia to study shocked her family.

"My grandpa said, if you go to Russia, you're no longer my granddaughter. But my dad, who served in the army in St. Petersburg, said this about the Russians, "They are all crazy, but I still love them." Maybe I got infected with that love? I figured that in London all I would get would be education, without close ties between people. Russians were helping me out, no strings attached, and not just those who were my friends. For instance, in Lithuania it's impossible to ask strangers on a

bus to get change for five Euros – you have to go into a store and buy a chewing gum... And yet I still can't fully answer why I chose Russia back then. I just remember sitting there and thinking: I want to go to Moscow! I was 18, I dreamed of going far away from everyone."

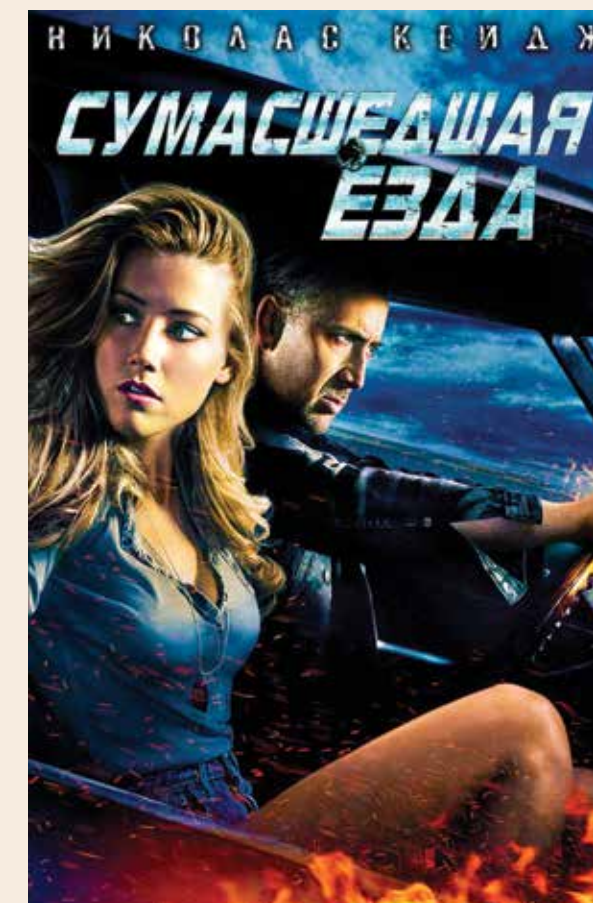
Nobody at the Russian Academy of Theatre Arts realized that Vilma barely understood Russian. She managed to fool the exam board, but her poor knowledge of the language caught up with her in the end: at the RATA International Department they talked to her about extending her visa to continue her exams, but she thought that they told her she was already accepted.

"I returned to Lithuania victorious! My grandpa refused to speak to me. And when I came back to Moscow at the start of the academic year, they looked at me like I was crazy, "Why did you come? You didn't show up for the final round of exams!" Every day I would follow Heifetz around, begging for demonstration. Heifetz would shy away from me or give me that terrifying stare of his. What was I to do? Go back to Lithuania and admit that nothing worked out for me here? I would have rather died right here! This was the lowest I've ever fallen. But one day

Natalia Zvereva, an instructor at the RATA, offered me to take part in a new work. We were doing an exercise on our ability to lead a dialogue using only the responses "yes" and "no." Nobody wanted to pair up with me; the instructor was forced to ask Sasha Petrov to work with me. To me this exercise was a life or death kind of thing (thank goodness I had the required vocabulary). I was accepted, but my classmates continued to ignore me for another two months or so. Directors virtually never invited me for their productions. I remember Anton Malikov asking the entire acting company to lie on the floor in his sketch and play corpses. But he decided that I couldn't even handle playing a corpse. But I didn't get discouraged at all. I was sure that one day I would show them all!"

Her fellow foreign classmates had already gained a pretty good knowledge of Russian, and Vilma soon caught up to them without the help of instructors.

"It was enough for me to talk to these 'crazy' Russians 24/7. I learned to speak pretty fast, but I couldn't copy dictations down, it just wasn't working for me. I had to spend a long time trying to figure out whether it was letter "б" or letter "ъ", and by then the dictation

was over. My wonderful instructor would say, “Wilma, it’s better if you just stay home and copy Tolstoy by hand!”

The RATA student didn’t live in a university dormitory for foreigners, which she couldn’t afford; rather she lived in a Lithuanian Embassy dorm. She was an entertainer of sorts inside that restricted place: she would come there all joyful, she would tell stories, show sketches. They even gave her food.

“I lived in the house of Baltrušaitis back when Juozas Budraitis was cultural attaché. I would stop by his place, and he’d say, “Let me take a picture of you by the palm tree.” He would answer the telephone saying “I’m very busy!” and could spend hours taking pictures of me.”

During her student years, the future actress had her vocal debut at the Night of Cinema festival at the Khudozhestvenny movie theatre where she was accompanied by jazz musicians. (It is worth recalling here that Kutavičiūtė’s father and grandfather are both famous composers in Lithuania. Bronius Kutavičius even had Soviet awards

and taught violin to Juozas Miltinis, founder of the Panevėžys Drama Theatre.) The next time her vocal skills became very useful was during the Mossovet Theatre’s production of “Don Juan. A Version”, where she was playing the part of Doña Laura and sang her own arrangement of Nina Simone’s song “Black Is the Color of My True Love’s Hair” in her very own “stereophonic” soprano. Then came the experimental production titled “In the Thicket” at the Meyerhold Centre, where Vilma performed an aria written specifically for her by composer Alexander Chernyshkov.

“The production was filmed on tape. When it’s showed abroad, many mistake me for a professional singer. But I told my dad once that I sang somewhere in public, and he just laughed at me.”

In her fourth year she played Gurmyzhskaya in the class production “The Forest” and managed to impress even Leonid Heifetz himself. And she also played in Alexei Uchitel’s film “Break Loose” and debuted on the Vakhtangov Theatre stage as Tatiana Larina in Rimas Tuminas’ famous production.

“Somehow things didn’t quite work out for me at the Vakhtangov Theatre. You know, Lithuanians don’t really get along with each other. If one day there will be no more theatres left in Moscow without Lithuanian directors I will have no chance to get a job. *(Laughs)*. I have a hard time fitting in with theatre folk: they always have their own little cliques, intrigues, and I stay out of it all. On the other hand, lack of guaranteed salary and a place on staff makes you seek out new opportunities, continue to grow, do films.”

In seeking out new opportunities Vilma later worked on the stages of several Moscow theatres – in Ivan Vyrypaev’s production

“Sugar” at the Praktika Theatre, in two Mossovet Theatre productions, in a workshop project by the Meyerhold Centre, and the actress even staged her own production titled “A Nameless Star” at the Yermolova Theatre and played a lead role in it.

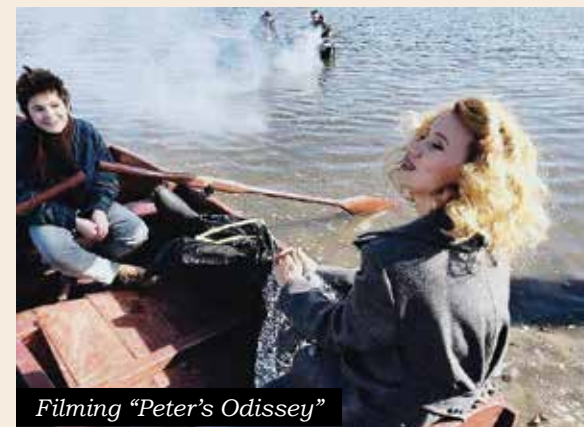
“It all began as an independent work by actors. They couldn’t find an “odd” enough actress for the role of Mona at the theatre, so someone suggested me to Sergei Kempa – one of the masterminds. As we began rehearsing, it turned out that I could think up of some things on stage, and one day they entrusted me with the role of the director. We presented the production to Oleg Menshikov about three times for his critique. He didn’t interfere with my work, but he helped me a lot – for instance, he set up the lighting himself while consulting with me. The most difficult part for me was to fall in love with that production: I couldn’t understand how it was possible to speak using such language. In other words, I had to stage either a fairytale or a utopia. Now I believe the production is maturing, it always gets a full house. Only because of my constant filming commitments my part is now being played by Dasha Melnikova.”

Actress Kutavičiūtė has been working in film for five years already, but she received her first leading role only in Pyotr Todorovsky, Jr.’s movie “Love Story”, where she worked with her longtime RATA partner Alexander Petrov.

“The director said, “Dammit, you are perfect for this role! But you are the first one to audition – are we going to have the same thing with every actress?” He tried them all, and he chose me. It was probably the first movie that I had such a pleasure filming. I finally realized that I need to play comedic characters (before then I only got to play sexual ones). My Masha is a deeply emotional, sarcastic, strong, and very complex person. My own ad-libs made their way into the script. Todorovsky was outraged by them initially, but he ended up including many of Petrov’s and mine improvisations. It’s a rare thing when a role fits you to such an extent.”

Being popular in Russian cinema didn’t stop Vilma from continuing her theatre education – in late 2016 she enrolled in the department of directing at the Lithuanian Academy of Music and Theatre. Eimuntas Nekrošius took her right in her second year.

“He wasn’t at all put out by the fact that I live in Moscow; he said an academic work can be completed within eight hours. I come there for about two weeks. Working with

Filming “Peter’s Odissey”

Nekrošius is interesting and unusual. He says, “Show me something.” And I’d say, “Why don’t I take “The Good Person from Szechwan?” – “Oh, for God’s sake! Not Brecht again! Take any book off the shelf, open on any page and stage it! The Bible, for instance.” – “But then I’ll end up searching forever!” – “And that’s not so bad.” And then he himself suggests, “Do Nina Zarechnaya’s monologue: “Men and lions, eagles and partridges....” His school is kind of “anti-Russian”: “You have a scene going, and the audience is getting it, and you tell them, “No! You didn’t get a damn thing!” and you turn everything into another direction. The audience, “Oh, now I get it!” And you respond with another complete turnaround, “Not even close!” It is then that the audience will start to think that you are not a director but a dilettante, and that’s a very good thing!” In other words, until I bring Nekrošius a completely unhinged idea, he won’t approve it.”

Future director Kutavičiūtė hopes to use her strengths in her home country – she thinks that there is more freedom on the small but numerous Lithuanian stages. Whereas Kutavičiūtė the actress is already filming her fifteenth movie and plans to continue working in Russian cinema. As for her ambitions as a theatre actress, she doesn’t associate them with any specific theatre, but rather with specific directors – and the first among them is Yuri Butusov.

“As an actress, I always strive to work with directors who are interested in discovering more in me than even I myself expect. One shouldn’t be afraid to walk away. To walk away from theatre, from projects – if you feel your own uncertainty, find yourself trying to please, to oblige, to live up to someone’s expectations. The maximum that can be done in an atmosphere like that is that you would never enrage anyone off and remain unnoticed – in other words, nothing.”

Filming “Good Evening”